

(Продолжение. Начало в № 121)

Однако мы не были дезертирами и не сбежали. Ведь дезертирами не рождаются, а делаются, если в работе своей не найти интерес. А мы нашли. И вот как. Ждали на остановке трамвай, ехать домой собрались. Как назло, наш номер долго не показывался. Падая снег, белые толстые нити заштриховали всю глубину улицы, и поэтому трамвай появлялся из нее неожиданно, точно в сказке. Помнится, тогда был канун Нового года и почти все трамваи были убраны транспарантами с именами сталеваров, раньше других справившихся с годовым планом. Я не знаю, как Котья сквозь решетку снега разбирал фамилии, но вдруг он сказал:

— Погляди, Саш. Нашего Бобра куда повесили.

Бобров был из нашего цеха сталевара.

— Молодец, — сказал я, — если бы все так работали, и трамваев больше бы наделали.

— Да ты не смейся. Ведь знаменитость. Его, небось, вся Магнитка знает. Ведь куда не придет, ему везде: здравствуйте, да пожалуйста. Вот бы и меня так!

— Ишь куда захотел. Кишка еще тонка.

— А я подожду, — ответил Котья.

Я так и не понял, что он хотел подождать, потому что трамвай подошел, но этот разговор я не забыл.

А свой интерес я понял после окончания ремесленного. Потянуло снова к книгам, в техникум поступил.

К РАБОТЕ привыкли, понравилась. Не скрою, и мне хотелось поскорее научиться управлять мартеном, сталь варить. Да только Котья работал лучше, оно хоть и механизация кругом, а все же и силу иметь здесь не лишнее.

Взять, к примеру, трамбовку порохов: попробуй столбай в печь гору доломита, так затрамбуй пороги, чтоб их чугуном не смыло. Смет пороги, уйдет из печи хоть тонна чугуна — государству убыток. Или понадобилось ленту разбить — это отверстие, откуда готовая сталь выходит в ковши, — попробуй, если кирпичи из огнеупорной массы красные от жары. Худенький, да слабенький прокопается, а из-за этого очередная операция может задержаться, и шлак может не пойти в чашу. И опять, если шлак не пойдет, вредные примеси в металле останутся, доводка затянется, а то и вовсе плавка может не «по заказу» получиться, не той марки, значит.

Вот почему сила и по сей день на мартене в почете. Котья сразу заметил, уж очень ловко он с лопатой управляется. Наберет полную лопату с магнитом, все пять килограммов будет, да как швырнет ее через всю печь, под свод. Это в то время, когда мы еще только по откосам учились кидать. А бросать в печь — это не уголь грузить: к печи близко не подойдешь. Да и тепловой режим Котья знал. Я уже гово-

рил, дотошный он был, все у старых сталеваров повыспрашивал. Я уже немного догадался сам, к чему он так брался, разговор на остановке из головы не вышел, да и Котья от меня тогда не хоронился, ровня мы были, оба подручные. Однажды около ларька с пивом прямо все и высказал:

— Поскорее бы сталеваром ставили. Я бы показал, кто я такой.

Его действительно вскоре поставили за Боброва, который на пенсию ушел.

О СВОИВШИСЬ с печью, Котья начал работать крепко. Если он «правил» печь после выпуска, то никому не давал спуска, сам носился, как угорелый. Прекрасно зная, что печь в заправку стынет, он всячески сокращал эту операцию, первым в цехе стал править машиной. Отверстие закрывал тоже машиной, чугун сливал в два же лоба, и все это сказало почти сразу. Плавки у него варились быстрее, чем у всех.

Сначала о нем заговорили на сменном-встречном в нашей смене, потом он стал лучшим в цехе, а вскоре его рыжий чуб я увидел на страницах «Огонька».

Он стал постоянным членом всяких президиумов, совещаний. Без него не было ни одной Доски почета.

Иной раз цифры заслоняют собой человека. Так и Котьяну биографию стали делать тонны. Не удивительно, что у него закружилась голова, и он потерял меня из виду.

Признаться, в то время я не желал ему успеха. Особенно в тот день, когда его снимали для кино. Когда протягивали прожекторы, было еще так-сяк, хотя нам на его печь ходить запретили. Но когда зажгли «юпитеры» и включили все лампы, прежнего Котья не было. Он стал похож на выходца из другого света и даже лицо его стало синим-синим. Как-то не верилось, что этот человек, послушно двигавший кочерыжкой в печи по команде режиссера, бывший верховод ребят нашего села и мой друг.

Его слава росла, как на дрожжах. Каждый день я видел, как в цеху добавлялись плакаты, призывающие нас работать, как он. Шихтовый двор открыл ему «зеленую улицу». Доводку плавки на его печи форсировали. И, надо признаться, «овес был в коня»: тонны сверхпланового металла на цеховой доске показателей у его фамилии росли. И хотя он был очень нужен для страны этот, похожий на цвет майского утра, металл, я радовался ему не искренне, за то, что он украл сердце моего друга, за то, что он делал ему дорогу в жизнь легкой с самого начала.

Ведь уже сейчас Котья следовало бы выбирать свою ли-

нию по отношению к славе. Мне кажется, что нужно было быть выше ее. А Котья не придумал ничего нового, он даже нигде не учился. Он просто нажимал на «всю железку», выжимая из печи все. Это все может кончиться сразу, — думал я, — если его вовремя не одернуть. Но может быть, он решил нахватать побольше, пока печь тынет, и верит в то, что ему сделают внеочередной ремонт. Но тогда миллион рублей вылетит в трубу, и, может статься, что овчинка не будет стоить выделки. Нет, надо с ним обязательно поговорить. Сначала только с ним...

Если бы не случай, я бы и поговорил. Однажды я наблюдал, как он ругался с машинистом завалочной машины: тот мало завалил в его печь руды и плавка затянулась. Котья ругал его последними словами, хотя ругать по существу было не за что. Я слышал, как машинист ответил:

— Мне столько сказал мастер.

— Тебе работать со мной, — грубо бросил Котья, — сколько я сказал, столько и вали. «Стобик» завалишь, меня просить будешь, чтобы не жаловался начальству.

Я не мог сдержаться, ведь Котья без согласия мастера «подшхитывал» плавку. Она могла расплавиться с низким содержанием углерода. Тогда пришлось бы пускать более простую марку стали. Конечно, плавка бы просидела в печи короче, но был бы сорван заказ и блуминг не получили то, что им нужно. Сколько ущерба только из-за того, что Котья сварит скоростную! Зачем?

— Ты же не прав, — сказал я Котье.

— А тебе что за дело? — сказал он. — Может, еще пожалуешься. Катилась бы ты колбасой. Меня заело. А машинист как ни в чем не бывало заметил:

— Он каждый раз 1—2 мульты добавляет. Говорит, больше руды завалим, больше денег получим.

— Плевал я. У меня своя печь, — огрызнулся Котья.

— Не хотел, а вот сейчас пойду и все скажу мастеру, — рассердился я.

— Валий, валий, — ответил он, — только запомни: после того ко мне не приходи. Не надо мне таких друзей.

Я рассказал, конечно, мастеру. Котья выругали, но ему даже выговора по цеху не дали, хотя мастер настаивал.

А дружба у нас кончилась. Здороваться перестали.

В СКОРЕ поставили сталеваром и меня. Этот день я буду помнить всегда. Это самый большой праздник в моей жизни. И самое интересное это

Ф. Можайко

СТАЛЕВАРЫ

то, что начался он в совсем будничном день и совсем будничному. Мы только приняли смену и закрывали выпускное отверстие. Было жарко, как только жарко бывает в мартене в июле месяце. Соленый пот ел глаза, рубашка на спине прилипла к телу. И вот в такой момент ко мне подошел начальник смены и просто сказал:

— Саша, иди принимай де-

вятку. Логунов не вышел. Когда я в первый раз подписывал сменный журнал, Дмитрий Николаевич Долгов, мой первый сменщик, грузный, сутуловатый, с синеватыми полукружками под глазами от ночной смены, подозрительно оглядел меня и спросил:

— Чи не з похмелья ты, парень?

— В первый раз, — сказал я. Он все сразу понял и схватил мою руку своими лапищами, долго и больно тряс ее.

— Поздравляю, поздравляю! Как же это я сразу не догадался...

А потом еще битых полчаса объяснял мне, что нужно не упускать из виду и как и за что браться, чтобы я не спешил с заливкой чугуна, прогрел шихту...

В этот день я чувствовал себя, вероятно, так, как солдат в первом бою. И все же в душе очень гордился собой: вот мне, а не кому-то доверили печь, я теперь сталевар, теперь от того, как я сработаю, будет зависеть план всего цеха и блуминга, и прокатных станов.

В ПЕРВЫЕ дни я приравливался, сталкивался со многим впервые, решал. Хорошо, хоть мастер, как нарочно, оказывался рядом. Я ждал, что Котья придет ко мне по-старинке на помощь, подскажет или просто поздравит со званием. Но этого не случилось.

Хуже того, когда на сменном-встречном я однажды взял плавку на час позже графика. Котья крикнул:

— Перестраховщик. Инциклопедия. Чему их только в институте учат.

Он специально сказал — в институте, хотя прекрасно знал: занимаюсь я в техникуме.

Пришлось покраснеть, хотя я и был прав: печь в предыдущей смене простояла из-за газа.

И еще меня сбила «таинственная» улыбка начальника смены, и то, как он переглянулся с Котьей. Знаменитость! «Теперь я не виноват, что он полез на роজন, я ему покажу, что значит учеба».

В этот день я работал здорово. Во всяком случае, мне так показалось. Я хотел во что бы то ни стало доказать Котье, что никакая я не «инциклопедия» и что смогу сварить плавку быстрее, чем он.

(Продолжение следует).

Вечер участников самодеятельности

В кружки художественной самодеятельности Дома культуры металлургов пришло более 200 новых участников. Их, конечно, надо познакомить с хорошими традициями коллективов, рассказать, как лучше овладеть мастерством вокалиста, чтеца. Поэтому решено было организовать совместный вечер тех, кто занимается в кружках, студиях уже по несколько лет, и тех, кто пришел сюда впервые.

Перед собравшимися выступил слесарь горнорудного управления Владимир Бобров. Он занимается в драматическом коллективе уже десять лет. За

эти годы он также окончил школу рабочей молодежи и сейчас решил совершенствоваться на режиссерском поприще. Внимательно все слушали и Евгению Тулякову, машиниста крана.

— Именно здесь, в Доме культуры, говорила она, — я поняла какой настоящей, великой силой обладает искусство. Без музыки, песни я уже не могу себя представить, поэтому летом поступила на дневное отделение музыкального училища.

На этом вечере было решено: всем участникам самодеятельности стать слушателями университета культуры.

Ф у т б о л

Озабоченность вполне понятна

С самого утра в редакцию поодиночке и группами подходили «болеельщики», задавали один вопрос:

— Ну как наши сыграли?

Неслучаен, конечно, такой интерес к результатам предпоследней игры нашей футбольной команды с нижегородским «Металлургом»: и меня прекрасное соотношение забитых и пропущенных мячей, магнитогорцы, в случае выигрыша двух встреч, прочно бы удерживались в лидирующей тройке.

Но результаты матча, который провели в воскресенье наши футболисты с «Металлургом» Нижнего Тагила на стадионе хозяев поля, не оправдал надежд магнитогорцев. Наши покидали поле с разгромным счетом — 6:1.

— Шесть — один?! — удивленно переспрашивали «болеельщики» и молча уходили из редакции.

Их красноречивое молчание вполне понятно: у финишной ленты летнего футбольного сезона нашему «Металлургу» предстоит провести встречу с одной из сильнейших команд зоны — свердловским «Машиностроителем». И очень хотелось бы верить, что финиш сезона для «Металлурга» не будет похожим на старт.

В. ОРЕХОВ.

Хорошие санактивисты

К токарю инструментального отдела Валентине Павловне Казаковой постоянно обращаются с просьбами:

— Перевяжите палец, о стружку оцарапал. Где у вас иод, прижечь надо, кожу на ладони немного сорвал.

Валентина Ивановна — начальник санпоста, под ее руководством находятся еще четыре активиста: Газизова, Мандычева, Губайдулина, Погонеленко. Они производят перевязки, следят за состоянием чистоты на участках, вовлекают в доноры, проводят разъяснительные беседы. Добросовестно относятся к своим обязанностям санактивисты инструментального участка.

В. ТИХОНОВА,

фельдшер здравпункта

основного механического цеха.

Редактор В. М. ШИБРА.

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА В КИНО

КИНОТЕАТР «КОМСОМОЛЕЦ»: «Человек с поезда».

ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ МЕТАЛЛУРГОВ: сегодня «Железный цветок», 14 октября «Далеко в горах».

КИНОТЕАТР «ДРУЖБА»: сегодня «Залив страстей», с

15 октября «Незваные гости» КЛУБ ЖДТ: 15 октября «Черный батальон».

Коллектив отдела организации труда комбината выражает глубокое соболезнование МАЙХЕРУ Ф. Я. по поводу смерти его матери.

Коллектив работников типографии ММК глубоко скорбит по поводу смерти наборщика типографии ФРОЛОВОЙ Полины Григорьевны и выражает соболезнование родным покойной.

Товарищи металлурги!

Открыта подписка на заводскую многотиражную газету «МАГНИТОГОРСКИЙ МЕТАЛЛ»

Подписка принимается во всех отделениях «Союзпечати», общественными уполномоченными в цехах

Цена годовой подписки — 23 руб. 40 коп.

Не забыли ли Вы подписаться на заводскую многотиражную газету?